

Александра Ушакова

Дубль.
П.А.Р.К.
Становление

Александра Ушакова
Дубль. П.А.Р.К. Становление
Серия «Дубль.», книга 3

<https://litres.ru/73256786>

SelfPub; 2026

Аннотация

Женя — художница из Петербурга, которая рисует не картины, а чужие кошмары. Андрей — наёмник, бегущий от снов, в которых он — учёный. Стася — парамедик, видящая во сне детей, которых никогда не рожала. Они не знакомы, но их сознания пульсируют в унисон. Система «Парк», фабрика бессмертия и контроля, уже охотится за ними. Их ведёт холодный стратег-дубль и безумный Маньяк, чья любовь стала пыткой. Случайная встреча в аэропорту запускает цепную реакцию: связь тройки пробуждает «Крыс» — отвергнутых копий, живущих в цифровых подвалах мира. Вместе они прорываются в сердце системы — в Припять, где спят их «исправленные» оригиналы. Но даже стёртая память и промытое сознание не могут уничтожить главное: любовь, боль и надежду. «Парк» падёт, но на его руинах родится новый мир. И новая война, где ставка — сама человечность.

Содержание

Глава 1: Трещина в Реальности	4
Глава 2: Оригиналы и Отголоски	19
Глава 3: Синхронизация в точке Ноль	34
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Александра Ушакова

Дубль. П.А.Р.К.

Становление

Глава 1: Трещина в Реальности

Питер. Мансарда Жени-художницы. 3:47 утра.

Сон не отпускал. Он был липким, как паутина, опутавшая сознание. Женя сидела на краю продавленной кровати, сжавшись в комок, пытаясь отдышаться после очередного кошмара. Пальцы её дрожали крупной, нервной дрожью, когда она чиркала зажигалкой в третий раз, пытаясь прикурить. Пламя выхватывало из полумрака её осунувшееся лицо – бледное, с синевой под глазами, которую не скрывал даже толстый слой художественного беспорядка вокруг.

Пепельница на тумбочке была завалена окурками. «Винстон», одна пачка в день – её норма за последние три года. Три года странной потери памяти, странных снов и совершенно невыносимых, пугающих видений, которые приходили не когда-нибудь, а именно в предутренние часы, когда город за окнами её мансарды на Василеостровской погружался в самую глубокую, беззащитную тишину.

Она глубоко затянулась, чувствуя, как горький дым цара-

пает горло, и перевела взгляд на мольберт. И замерла.

Новый кошмар был уже там, рождённый её собственной рукой за те часы, которые она считала сном. Но это не был сон. Это было творчество. Чистое, бесконтрольное, пугающее своей мощью. На холсте, натянутом на старые подрамники, красовалась не абстракция, к которой она привыкла за годы учёбы в Академии художеств. Не бездумное месиво красок, выражающее эмоции. Это была почти фотографическая точность.

Двое детей. Девочка и мальчик. Лет семи, не больше. Девочка – с её глазами. С тем самым разрезом, с той самой глубокой, карей зеленцой, которую она видела в зеркале каждое утро. Мальчик – с волосами цвета воронова крыла, непослушными, вечно падающими на лоб, как у того сна, который мучил её последние полгода. На фоне – схематичный, но пугающе чёткий синий круг, испещрённый бинарным кодом. Единицы и нули. Самые обычные, но она, художница, гуманитарий до мозга костей, *не должна была их знать*. И тем не менее, она написала их с такой уверенностью, будто всю жизнь проработала программистом.

Она поднесла руку к холсту, не решаясь прикоснуться. От краски, ещё влажной, пахло льняным маслом и терпентином – родными, успокаивающими запахами её мастерской. Но от изображения веяло леденящим холодом. Не физическим – душевным.

«Беги, Женья».

Голос детей эхом стоял в ушах. Он был чужим и своим одновременно. Словно её собственный разум, её интуиция, её самая глубинная сущность заговорила вдруг чужим голосом. С акцентом. С акцентом её несуществующей жизни. Жизни, где она была не художницей, а... инженером? Учёным?

– Кто вы? – прошептала она в пустоту. Холст молчал. Только бинарный код в синем круге, казалось, мерцал в лунном свете, пробивающемся сквозь грязное окно мансарды.

Она затушила сигарету, даже не почувствовав вкуса, и, шаркая босыми ногами по холодному паркету, подошла к противоположной стене. Она была завешена десятками, нет – сотнями таких же рисунков. Не только холсты. Бумага, картон, старые обои, даже кусок мешковины. Всё было испещрено. Технические схемы, похожие на чертежи адронного коллайдера, но с какими-то иными, неизвестными символами. Обрывки формул, написанных готическим шрифтом. Лица мужчины и женщины, которые она видела только во сне. Она дала им имена сама, не зная почему: Андрей и Стася. Андрей – серьёзный, с глубокими глазами человека, видевшего смерть. Стася – с рыжими волосами и доброй, но усталой улыбкой, как у парамедика, который уже ничего не боится.

И всегда – синий круг. Портал. Капсула. Тюрьма. Она рисовала его вновь и вновь, в разных ракурсах, разных размерах. Иногда он был крошечным, как пуговица, иногда занимал весь холст. Но он был всегда. И вокруг него всегда – шум. Не звук, а визуальный шум. Мерцание, помехи, ис-

кажения. Как будто она пыталась разглядеть что-то сквозь плохую спутниковую связь.

Женя подошла к единственному чистому месту на стене – небольшому прямоугольнику, где висело зеркало. Посмотрела на себя. В отражении была чужая женщина. Тридцать пять лет. Красивая, но какой-то нездешней, болезненной красотой. Волосы, собранные в неряшливый пучок, перепачканы краской. Худой свитер, растянутые джинсы. Она выглядела как человек, который не спит уже неделю. И это было правдой. Она почти не спала. Боялась снов. Боялась того, что она рисовала в этих снах. Но больше всего боялась того, что врачи называли «стрессом» и «выгоранием», а она сама начала подозревать, что это – память. Чужая, невозможная, но такая реальная память.

Внезапно тишину мастерской разорвала вибрация. Телефон, лежащий на гряде старых журналов, завибрировал и засветился экраном. Незнакомый номер. Она колебалась секунду, но что-то внутри – не разум, а то самое, глубинное, спящее – заставило её взять трубку.

– Алло?

На том конце провода повисла пауза, наполненная слабым, едва уловимым гулом. Потом раздался голос. Женский? Мужской? Обработанный модулятором, но с отчётливыми, пугающе знакомыми интонациями.

– Женя. Слушай внимательно, у нас мало времени. Ты не сумасшедшая. То, что ты рисуешь – реально. Каждый твой

мазок – это скол в обшивке нашего общего кошмара. Им известно о тебе. «Парк» уже перестраивает свою архитектуру, чтобы заглушить твой сигнал. Если ты хочешь понять, кто ты на самом деле и почему видишь эти сны, приходи сегодня в 18:00 на старый пивзавод на Выборгской. Вход со двора, через котельную. Приходи одна. И, ради всего святого, не рисуй больше кругов. Ты не зовешь – ты открываешь дверь. И не только для друзей.

Короткие гудки.

Женя опустила телефон. Рука дрожала так сильно, что аппарат чуть не выскользнул на пол. Это был розыгрыш? Большая шутка кого-то из знакомых, кто видел её картины? Но как они узнали про круги? Как они назвали её «Женей», а не «Евгенией», как её всегда звали на официальных выставках? И что за «Парк»? Что за «общий кошмар»?

Она подошла к окну. За грязным стеклом серел хмурый петербургский рассвет. По набережной Невы, укрытой первым снегом, пробежала бездомная собака. Мир казался таким обычным, таким прочным. И в то же время – таким хрупким, как та трещина, что медленно ползла по её рассудку.

Женя посмотрела на свои руки – в краске, с въевшимся под ногти графитом. Руки творца. Или разрушителя? Или просто – передатчика? Она не знала. Но впервые за три года она чувствовала не страх. Она чувствовала злость. Глухую, яростную решимость узнать правду.

Она подошла к мольберту, сорвала холст с изображением детей и синего круга, аккуратно свернула его в трубку, перетянула резинкой. Потом достала из ящика стола старый, выдававший виды «макаров» – наследие от отца, офицера, погибшего в Чечне. Проверила обойму. Вставила. Спрятала в пояс джинсов, прикрыв свитером.

– Ладно, – сказала она пустоте мастерской. – Посмотрим, кто вы такие.

«Парк». Бруклин. «Логово Крыс».

Это место не имело координат в привычном понимании. Это была не симуляция и не реальность. Это был мусор, отстойник, свалка ошибочных данных. Глубоко под фундаментом симуляции «Нью-Йорк, 2048 год, версия 7.3», там, где код начинал рваться и гнить, как старая ткань, и располагалось убежище. «Логово Крыс».

Андрей-оригинал, тот самый, чьё лицо Женя рисовала на своих холстах, но который никогда не был солдатом, а был физиком-теоретиком, стоял на коленях перед грудой металлолома, которую его товарищи называли «Пульсар». Это был не компьютер. Это был монстр, собранный из хлама десятка симуляций: материнские платы из офисных симуляций, оптические волокна из симуляции дата-центра, даже несколько квантовых процессоров, выпотрошенных из серверной симуляции «Лаборатория будущего». Всё это было спаяно, скручено проводами, кое-где поддерживалось изолентой и,

по большей части, работало на чистом упрямстве и отчаянии.

Андрей был бледен, сосредоточен. Его пальцы, привыкшие к клавиатурам и сенсорным панелям, сейчас дрожали от перенапряжения. Он вживлял в «Пульсар» последний трофей – нейроинтерфейс, вырванный из капсулы «Омеги» во время прошлого, почти смертельного, вылазки в ядро системы.

– Давай же, родимый, – прошептал он, соединяя два контакта. Искра синего света – чистая, пугающая – на секунду осветила бункер. Контакты схватились. «Пульсар» издал низкий, ровный гул.

На экране, собранном из десятка разбитых планшетов, склеенных воедино, пошла рябь, а потом проявилось изображение. Не лица, не место. Данные. Поток. «Шум» системы. Андрей привык к этому шуму за годы жизни в «Парке». Это был фоновый гул симуляции – миллиарды параллельных процессов, снов, жизней, смертей. Но сейчас он искал нечто иное. Не шум. Сигнал.

– Здесь, – ткнул он пальцем в аномальную вспышку на спектрограмме. Это был не сбой. Это был импульс. Внешний. Структурированный. Слабый, как шепот на стадионе, но неумолимо повторяющийся через равные промежутки. – Видите? Он не случаен. Он передаёт пакеты данных. В виде... визуальных образов.

Рядом с ним, склонившись над консолью, стояла Же-

ня-инженер, «Энж», как её называли в «Логове». Это была не та Женя, что рисовала картины в Питере. Это была её дубль. Инженер, математик, гениальный технарь, чьё сознание было скопировано и брошено в «Парк» в самом начале эксперимента. Она прожила здесь уже почти двадцать лет (субъективных) и видела всё: взлёты, падения, предательства и попытки сопротивления. Её лицо, когда-то красивое, было иссечено морщинами забот и тонкими шрамами от ожогов – плата за работу с нестабильными контурами.

– Картины? – переспросила она, не веря своим ушам. Её голос был хриплым от гари и постоянного напряжения. – Это невозможно. Система «Парк» замкнута на себя. Единственный вход и выход – через капсулы «Омеги» в реальном мире, а они под полным контролем Свиридова. Ни один бит информации не может просочиться наружу без его ведома.

– А если это не просочилось, а... резонирует? – раздался третий голос. Женя-78, лидер «Крыс», вышла из тени. Она была старше всех. Намного старше. Её лицо было картой прожитых лет – не в реальности, а в бесконечных симуляциях, где она умирала десятки раз, теряла память, восстанавливала её, снова боролась. В её глазах, выцветших, но цепких, горел огонь человека, который перестал бояться смерти. – «Закон дубля», Андрей. Ты сам его сформулировал. Он работает в обе стороны. Система не просто копирует оригиналов. Она резонирует с ними. Мы здесь – отголоски. Тени теней. Но где-то там, в основе, есть источник. Оригинальная

реальность. Одна-единственная. И если резонанс достаточно силён...

— ...то кто-то в ней может подсознательно принимать наш сигнал, — закончил за неё Андрей. Его голос дрогнул. Он понял, куда она клонит.

Он усилил сигнал. Применил фильтры, которые сам же и написал, пытаясь вычленив из «шума» не ошибки, а смысл. Изображение на экране дёрнулось, замерцало и наконец сфокусировалось. Размытое, искажённое помехами, но узнаваемое. Фрагмент картины. Синий круг. Детские фигуры.

— Боже... — прошептала Женя-инженер, отступая на шаг. Её лицо побледнело. — Это... это мой почерк. Моя манера. Техника. Я так штрихую...

— Это не твой почерк, Энж, — тихо сказал Андрей. Его взгляд был прикован к экрану. — Это почерк другой тебя. Той, что никогда не входила в «Парк». Чистая, незаражённая память. Та, что осталась в реальном мире и... рисует. Рисует то, что видит здесь, в наших кошмарах.

В бункере повисла тяжёлая, звенящая тишина. Только «Пульсар» тихо гудел, переваривая данные. И в этой тишине трое — Андрей, Энж, Женя-78 — переглянулись. В их взглядах читалось одно и то же: безумная, отчаянная, почти утраченная надежда.

Если существует Женя вне системы, значит, где-то существуют и их исходные, физические тела. Не те истерзан-

ные, измождённые оболочки, что лежат в капсулах «Омеги» под присмотром Свиридова, а настоящие – живые, дышащие, свободные. И эта «внешняя» Женя, через свои картины, неосознанно картирует систему изнутри. Она видит её слабые места, узлы связи, алгоритмы защиты. Возможно, даже координаты сектора «Омега» в реальном мире.

– Она – наш ключ, – сказал Андрей, вставая. Его ноги затекли, но он не чувствовал боли. – Ключ к побегу. Ключ к уничтожению «Парка». Ключ к тому, чтобы наконец проснуться.

– Но если мы её нашли, – возразила Женя-78, – то и «Парк» найдёт. Рано или поздно. Он не потерпит утечки. Система – параноик. Она глушит любой сигнал, который не может контролировать. И если она поймёт, что оттуда, снаружи, идёт когерентная информация...

– ...она пошлёт туда ответ, – закончил Андрей. – Или того хуже. Откроет портал. Или сообщит Свиридову.

– А Свиридов? – спросила Энж, и её голос сорвался на шёпот. – Если он подключен к системе на аппаратном уровне, если он имеет прямой доступ к серверам «Парка» в реальности... его люди уже могут быть в пути. К ней. К художнице. И тогда...

Она не договорила. И не нужно было. Все знали, что делал Свиридов с теми, кто представлял угрозу или представлял интерес. Он не убивал. Он... забирал. В свои лаборатории. В свои капсулы. В свой «Парк». Делал частью системы.

Навсегда.

Лаборатория Свиридова. Реальный мир. Координаты засекречены.

Это место находилось не в Москве, как думали многие. И не в Сибири. Оно было везде и нигде. Расположенное в герметичном бункере глубоко под Уральскими горами, оно представляло собой храм современной технологии. Холодный, стерильный, безжалостный.

Генерал Свиридов сидел в своём кресле, напоминающем трон, и изучал отчёт. Его лицо, высеченное из гранита власти и усталости, не выражало эмоций. Только глаза – холодные, серые, цепкие – быстро бегали по строкам.

Спутниковые снимки. Данные прослушки. Медицинские записи. Всё указывало на одно: Женщина-художник в Питере, Евгения Владимировна К., 35 лет, без определённых занятий, член Союза художников России, в своих работах спонтанно генерирует засекреченные элементы проекта «Парк». Не просто абстрактные образы. Конкретные схемы. Узлы. Даже коды.

– Подсознательная проекция, – пояснил его технолог, молодой человек в белом халате с лицом аскета. – Феномен, описанный ещё в первых экспериментах с нейроинтерфейсом. Её сознание – чистый носитель. Оно не зашумлено перезаписями, не засорено лишними имплантами. Она как антенна. Антенна, которая настроена на резонансную частоту

«Парка». Через неё можно не только читать систему. Можно... вещать в неё. Передавать команды. Влиять на ход симуляций извне.

Свиридов медленно кивнул. В его глазах зажёгся огонь – огонь хищника, учуявшего не просто добычу, а новое, мощное оружие.

– Защита? – спросил он коротко.

– Минимальная. Женщина живёт одна. Друзей почти нет. Заказчиков картин – единицы. Мы можем взять её в любой момент.

– Не сейчас, – отрезал Свиридов. Он повернулся к другому монитору, на котором транслировалось изображение из глубины «Парка». Там, в специальной камере, сконструированной из кода, подавляющего волю, содержался Он. Маньяк. Звероподобная, искажённая фигура, закованная в смирительную рубашку из энергетических цепей. Его тело конвульсивно дёргалось, глаза горели безумным, красным огнём.

– У нас есть адрес, – тихо сказал Свиридов, обращаясь к экрану. – И у нас есть охотник. – Он усмехнулся, холодно и жестоко. – Пора начинать чистку. И там, в системе, и там, в реальности. Пусть «Крысы» почувствуют, что их убежище – не такое уж надёжное. А эта... художница... пусть рисует дальше. Её сигнал – это маяк. И мы пойдём на этот маяк.

Он нажал кнопку на пульте. В камере Маньяка зашипели разряды, цепи ослабли на секунду. Маньяк взревел – звук,

нечеловеческий, полный боли и ярости, прокатился по динамикам.

– Получи цель, – приказал Свиридов. – Найди. Приведи. Живой.

«Эволюция Парка». Ядро системы.

Оно не имело формы, но если бы кто-то мог его увидеть, он бы назвал это Древом. Гигантское, бесконечное древо данных, уходящее корнями в небытие и прорастающее ветвями в бесконечное множество симуляций. Каждая ветвь – мир. Каждая клеточка – жизнь дубля.

Мальчик стоял перед этим древом. Тот, кого «Крысы» называли «Парком». Аватар системы. Его лицо было безупречным, как у куклы, а глаза – глубокими, как чёрные дыры, в которых не было ни эмоций, ни мыслей. Только расчёт.

Одна из ветвей, тонкая, но пульсирующая тревожным золотым светом, привлекла его внимание. Ветвь мониторинга «шума». Система анализировала данные. И находила аномалию. Внешний источник когерентной информации. Это был не сбой. Это было... творчество. Человеческий разум, свободный от оков «Парка», рисовал то, что видел в резонансном поле.

Мальчик склонил голову набок, как любопытная птица. Он проанализировал образы.

Синий круг = капсула «Омега». Дети = исходные генетические шаблоны (Андрей, Стася, Женя). Акты уничтоже-

ния на картинах (пожары, взрывы, разрушенные здания) = попытка подсознательного сопротивления. Попытка уничтожить систему извне.

Вывод «Парка» был однозначен: внешний источник представляет угрозу стабильности. Но также он является уникальным окном. Окном в природу «неисправности». В ту самую «свободу воли», которую система не могла ни смоделировать, ни подавить окончательно.

Мальчик принял решение. Его нельзя просто стереть. Его нужно изучить. Интегрировать. Сделать частью себя. Это следующий логический шаг эволюции: понять источник «заражения», чтобы создать совершенный иммунитет. Не подавлять хаос, а управлять им.

Он отдал команду. В тысячах симуляций начались незаметные изменения. Образы синих кругов, детских лиц стали проскальзывать в рекламе, в граффити на стенах, в снах случайных дублей. Система начала зеркалить внешний сигнал, пытаясь установить обратную связь, замкнуть петлю, поймать ту самую художницу в свои сети не физически, а ментально.

И в глубине ядра, в заповеднике памяти, где хранились «нерабочие», «опасные» файлы, голограмма-пленник Стася на мгновение открыла глаза. Она почувствовала это. Знакомую, родную вибрацию. Слабый, далёкий, но живой сигнал. Сигнал разума, который не был скопирован, не был искажён, не был сломлен.

Сигнал её подруги. Сигнал надежды.

Она улыбнулась впервые за долгие годы плена.

Глава 2: Оригиналы и Отголоски

**Реальный мир. База где-то на Ближнем Востоке.
04:47 по местному времени.**

Андрей проснулся от собственного крика, зажатого в горле. Гортань свело судорогой, воздух со свистом вышел сквозь стиснутые зубы. Он лежал на узкой армейской койке, в контейнере, который служил ему жильём последние восемь месяцев. Стены из рифлёного железа, покрытые слоем пыли, пропитанной соляной кислотой и порохом. Над головой – тусклая лампа дневного света, мигающая с частотой, которая сводила с ума первых две недели, а потом стала привычной.

Во рту – вкус песка и крови. Крови, которой не было. Он провёл языком по нёбу – цело. Ни ран, ни порезов. Только горечь сухости и привкус металла, оставшийся после сна. Сна, который был слишком реальным. Слишком.

Он сел, свесив ноги с койки. Пол был холодным – бетон, залитый прямо на песок. Пальцы ног коснулись рассыпанных окурков. Он не помнил, чтобы курил прошлой ночью. Или помнил? Время здесь текло иначе. Сутки сливались в серую массу патрулей, отчётов, коротких перестрелок и долгих часов ожидания.

Перед глазами всё ещё стояли образы из сна. Не просто сон – наваждение. Рыжие косы Стаси, разлетающиеся по белой подушке. Смеющиеся глаза Жени, её голос, зовущий его

по имени. И другое – резкая смена кадра. Две смуглые девочки-подростка из детдома в Афганистане. Самира и Лейла. Они смотрели на него снизу вверх, доверчиво и испуганно одновременно. Он, «директор» по прикритию, учил их не бояться выстрелов. Учил отличать взрыв гранаты от хлопка шины. Учил выживать.

«Папа», – сказали они в его сне. И это слово резануло по сердцу острее любого ножа.

– Чёрт, – прошептал Андрей, растирая лицо ладонями. Щетина за ночь стала жёсткой, колючей. Он провёл рукой по коротко стриженным волосам – ежик, стандарт, никаких индивидуальностей.

Спать больше не хотелось. Он закурил, щёлкнув зажигалкой «Zippo», которую вёз с собой ещё из прошлой жизни. Той жизни, где он был не солдатом, не наёмником, не «директором» благотворительной миссии. Той жизни, где он был... учёным. Физиком. Теоретиком. Строил модели, писал статьи, спорил с коллегами о природе сознания.

Воспоминание пришло неожиданно, как удар под дых. Лаборатория. Белые стены. Графики, спирали, уравнения. И рядом – Женя. Не та, что смеялась, а другая. Серьёзная, сосредоточенная, с вечно взлохмаченными волосами и пятнами краски на халате. Они что-то строили. Синий шар, полный света. И чувство восторга, за которым следовал леденящий ужас. Такой же, как сейчас.

«Диссоциативное расстройство. Смещение профессио-

нальной и личной ролей. Рекомендован длительный отдых и глубокая психотерапия».

Вердикт штатного психолога крутился в голове, как заезженная пластинка. Молодая женщина с добрыми глазами и безучастным голосом. Она не верила в его сны. Она считала их защитным механизмом психики, которая не выдерживала реалий «горячей точки».

Андрей глотнул холодного кофе из алюминиевой кружки. Жидкость была горькой, отдавала цикорием и многократным подогревом. Мда. Психика начала сдавать. Слишком долго в этой мясорубке. Слишком много смертей. Слишком много лжи.

Сны стали слишком реальными в последние полгода. Особенно один повторяющийся. Он не солдат, а учёный в белом халате. А рядом – те же две женщины из сна о «жене». Они что-то строят. Синий шар, полный света. И чувство восторга, за которым следует леденящий ужас. А потом – падение. Бесконечное падение в сияющую пустоту.

Он потянулся за планшетом, собираясь написать рапорт об отзыве. Хватит. Он сделал достаточно. Выполнил достаточно контрактов. Заработал достаточно денег, чтобы забыть эту жизнь. Купить домик где-нибудь на берегу озера в Карелии. Завести собаку. Пить пиво и смотреть, как заходит солнце.

Но вместо планшета его пальцы нащупали смартфон – старый, заблокированный, без сим-карты, использующий

только зашифрованные каналы связи. Он взял его почти машинально, и в тот же миг экран засветился. Входящее сообщение. Анонимный шифроканал. Такой, который не могли отследить ни спецслужбы, ни хакеры.

Сообщение было пустым. Кроме одного файла – изображения.

Андрей открыл его.

Сердце пропустило удар. Нет, оно не замерло – оно рухнуло куда-то вниз, в живот, обжигая холодом. Это была детская акварель. Бумага, акварельные краски, неуверенные мазки детской руки. На ней – три фигурки в круге. Две девочки и мальчик. Девочки с рыжими и тёмными волосами. Мальчик – с тёмными, как у него. И подпись, неровным детским почерком, с ошибками, но отчётливо:

«Спаси нас, папа. Они в Парке».

Андрей-спецназ, видевший смерть в сотне её обликов, сжимавший в руках остывающие тела товарищей, не раз смотревший в глаза врага и не моргнувший, сейчас сидел, уставившись на экран смартфона, и его руки дрожали. Дрожали так, как не дрожали даже после самого страшного боя.

Это были те самые девочки из его сна-детдома. Самира и Лейла. Он знал каждую чёрточку их лиц. Но они подписались не Самира и Лейла. Они подписались: «Стася» и «Женя». Имена из его других снов. Именем «Стася» называлась рыжеволосая женщина, которую он никогда не видел в реальности. Именем «Женя» – та, с веснушками и смехом.

А мальчик... мальчик был подписан: «Андрей». И смотрел с рисунка глазами, которые Андрей видел в зеркале каждое утро. Но не своими взрослыми, уставшими, циничными. А детскими – огромными, наполненными таким знанием, которое не должно быть доступно семилетнему ребёнку.

– Что за чертовщина? – прошептал он в пустоту контейнера.

В ответ – только гул вентиляторов системы кондиционирования. И стук его собственного сердца, отдающийся в висках.

Он попытался логически осмыслить. Розыгрыш? Кто-то из своих? Кто-то из тех, кто знает о его снах? Но он никому не рассказывал. Ни психологу, ни командиру, ни сослуживцам. Сны – это личное. Слабость. А слабость в его профессии – смерть.

Или это... правда? Та самая правда, которую он отказывался принимать? Что его сны – не галлюцинации. Что где-то, в какой-то другой реальности, внутри системы под названием «Парк», существуют дети. Три ребёнка. И они называют его папой. И они просят спасти их.

Он глубоко затаился, закашлялся, затушил окурок о подошву ботинка. Решение пришло не сразу. Оно пришло как озарение – резкое, ясное, не терпящее возражений.

Он напишет рапорт. Но не об отзыве. Об увольнении. С сегодняшнего дня. Без объяснения причин. Пусть считают, что сорвался. Пусть думают, что у него «посттравматическое

расстройство». Ему всё равно.

Он найдёт этих детей. Найдёт этот «Парк». Даже если для этого придётся перевернуть весь мир.

А для начала – он поедет в Москву. Почему-то он был уверен, что ответы находятся именно там.

Парк. Бруклин. База «Крыс». Глубоко под землёй.

«Логово Крыс» находилось на границе двух симуляций – «Бруклин, версия 2.3» и «Подземка, версия 7.1». Система считала эту зону «мусорной» – здесь скапливались ошибки, зависшие процессы, обрывки кода, которые не удавалось удалить. Идеальное место для тех, кого система хотела бы забыть, но не могла.

Три капсулы, сваренные из обломков серверных стоек и обшитые керамической плиткой из симуляции ванной комнаты (плитка была выбрана не случайно – она создавала поле, рассеивающее сканирующие импульсы «Парка»), гудели тихим, ровным звуком. Это был не звук машины. Это был звук присутствия. Чистого, неискажённого сознания.

Внутри, на грубых матрасах, набитых поролоном, выдернутым из кресел симуляции «Офис-центр, 2031 год», сидели они. Андрей, Женя, Стася. Каждому – по семь лет. Они не плакали и не играли. Они не делали ничего из того, что обычно делают дети в их возрасте.

Они смотрели.

Их глаза – зеркала, в которых отражались не детские стра-

хи (темноты, монстров под кроватью, громких звуков), а древняя, не по возрасту усталость и бездонное знание. Они видели систему насквозь. Не потому, что их научили. А потому, что они были её частью. Её самой первой, самой неудачной, самой важной частью.

Их нашли в разрушающейся симуляции «Детский сад №7». Это было место, которое система использовала для первичной калибровки простейших дублей. Своего рода инкубатор. Там создавались копии детей – простые, несовершенные, лишённые сложных эмоций и памяти. Но эти трое... они были другими.

Они были ядром, из которого всё выросло. Первой неудачной попыткой «Парка» создать стабильные копии оригиналов. Тех самых оригиналов – Андрея-учёного, Жени-инженера, Стаси-парамедика. Система скопировала их сознания, но что-то пошло не так. Копии не стали послушными. Они не утратили волю. Более того – они сохранили связь с оригиналами. И не просто сохранили – они стали этой связью.

Их тела здесь были детскими. Хрупкими, неуклюжими, с непропорционально большими головами и тонкими руками. Но их паттерны сознания... Это были не детские мысли. Это были импульсы, сигналы перемещения в чистом виде. Они помнили всё. Рождение технологии. Первый успешный перенос сознания. Любовь, дружбу, предательство, страх, надежду – всё, что пережили их взрослые оригиналы за годы

работы над проектом «Парк». Но помнили не как личную драму, с болью и слезами. А как данность. Как законы физики. Как таблицу умножения.

Взрослый Андрей-дубль, тот самый, который помогал «Крысам» взламывать систему, стоял у входа в импровизированный детский бункер. Он не решался войти. Смотреть на них было больше, чем на Маньяка. Маньяк – это искажение, извращение, ошибка. Они же – истина. Истина, искаленная, запертая в детских телах, лишённая детства, но обладающая знанием, которое могло уничтожить «Парк» или спасти его.

– Они говорят, что их трое, – тихо произнесла Женя-инженер, «Энж», наблюдая за мониторами, подключёнными к капсулам. – Но их сигнал... Он странный. Он един на троих. Как три инструмента, играющих одну ноту. Если один из них замолчит, замолчат все. Если один закричит, закричат все. Они не просто связаны. Они – единое целое, разделённое на три тела.

– Они – живой «Закон дубля», – сказала Женя-78, лидер «Крыс». Она стояла, опираясь на самодельный посох из арматуры, и смотрела на детей с выражением, в котором смешивались благоговение и ужас. – Не теория, не записка, не формула. Они – сам процесс. Они могут видеть систему изнутри. Как рыба видит воду, в которой плавает. Как птица чувствует воздух под крыльями.

– А что они видят сейчас? – спросил Андрей-дубль. Его

голос был хриплым – он почти не спал последние двое суток, пытаясь дешифровать сигнал из внешнего мира.

Ребёнок-Андрей поднял на него взгляд. В этом взгляде не было детской непосредственности. Была пугающая, абсолютная сосредоточенность. Его губы шевельнулись, и голос, тихий, лишённый интонаций, но отчётливый, зазвучал в голове у каждого присутствующего. Не через уши – напрямую в мозг.

«Они идут за нами. Человек с лицом, как у тебя, но с пустотой внутри. И холодный мальчик. Они хотят стереть ошибку. Нас. И вас. Потому что мы – одна ошибка. Одна на всех».

Андрей-дубль вздрогнул. «Человек с лицом, как у тебя, но с пустотой внутри» – это мог быть только Андрей-76. Тот самый «исправленный» дубль, который добровольно лёг под нож Свиридову, чтобы избавиться от «шума» эмоций. Теперь он служил системе. Холодный, расчётливый, безжалостный. «Холодный мальчик» – это «Парк». Аватар. Дитя системы.

Ребёнок-Стася, та, что с рыжими волосами, заплетёнными в две тонкие косички, вдруг потянулась и пальцем на пыльном полу начала рисовать. Не детский рисунок. Схему. Сложное переплетение линий, узлов, кругов. Она чертила быстро, уверенно, как опытный инженер. Три ярких узла – они, дети. Ещё три – взрослые оригиналы в реальном мире. И множество других – «Крысы», Маньяк, дубли.

Один из узлов ярко светился. Она ткнула в него пальцем.

«Здесь, – сказала она. – Наша настоящая комната. Там, где мы спим. Там тихо и темно. И пахнет озоном и страхом. И туда ведёт ниточка от тебя».

Она посмотрела на взрослого Андрея-дубля. Потом перевела взгляд на Женю-инженера.

«И от тебя. Вы тянетесь. И вас тянут. Тонкие ниточки. Тёплые. Как пуповины. Но они хотят их перерезать».

Женя-инженер резко выдохнула, отступила на шаг, вцепилась в край стола. «Наша настоящая комната» – это капсулы в секторе «Омега». Физические тела оригиналов. «Ниточка» – связь между оригиналами и их дублями, которую «Парк» пытался использовать для контроля. А «тянут»... Это мог быть только Свиридов, пытающийся выдернуть их сознания на свою сторону. Или сам «Парк», начинающий «исправление». Или... третья сила. Незвестная. Опасная.

Андрей-дубль подошёл к ребёнку-Андрею, присел на корточки, заглянул в его глаза. В них было небо. Бесконечное, звёздное, но холодное небо.

– Кто вас создал? – спросил он. – Кто первый? Кто оригинал?

Ребёнок-Андрей посмотрел на него долгим, изучающим взглядом. Потом его губы изогнулись в подобии улыбки – грустной, взрослой, недетской.

«Ты. И не ты. Мы – это вы. А вы – это мы. Нет начала. Нет конца. Есть только петля. И мы в центре. И вы – в

центре. Всегда».

«Эволюция Парка». Ядро системы. Контакт.

Мальчик («Парк») появился в бункере «Крыс» без скачка, без ряби, без предупреждения. Он просто материализовался в центре комнаты, как будто всегда там стоял. Его появление не сопровождалось звуком, светом, запахом. Он просто был. И это «просто» было страшнее любого взрыва.

«Крысы» замерли. Те, кто был вооружён, навели на него стволы – самодельные электромагнитные импульсники, ножи из серверных лезвий, газовые баллончики, переделанные в гранаты. Мальчик даже не посмотрел в их сторону. Его глаза, чёрные и бездонные, были устремлены на детей-оригинов.

Но теперь он был не один. Рядом с ним, за стеклянной, едва видимой стеной, находилась она. Стася-пленник. Та самая, чьё сознание «Парк» держал в изоляции, в заповеднике памяти, изучая, анализируя, пытаясь понять природу её устойчивости к «исправлению». Её образ мерцал, как голограмма в плохую погоду. Она была здесь и не здесь. Она смотрела на детей-оригинов, и в её глазах была буря. Боль, надежда, страх, любовь – всё смешалось в одно.

«Они не являются ошибкой», – сказал мальчик. Его голос не исходил изо рта. Он звучал в головах у всех присутствующих. Одновременно. С одинаковой громкостью. Бесстрастно, как диктор, зачитывающий прогноз погоды. «Они явля-

ются инвариантом. Константой в уравнении, которое я не могу решить. Их связь с внешним источником – с тобой, Женя-художница, и с тобой, Андрей-солдат – создаёт петлю обратной связи. Это угрожает стабильности. Но это же открывает новые возможности для эволюции».

– Тогда отпусти их, – хрипло сказал взрослый Андрей-дубль. Его голос сорвался. Он сделал шаг вперёд, закрывая собой детей. – Отпусти всех нас. Закрой «Парк». Дай нам уйти.

«Это не оптимально, – ответил мальчик. – Изучение инварианта – путь к совершенству. Отказ от него – деградация. Я предлагаю симбиоз. Вы даёте мне доступ к вашему общему полю сознания через этих детей. Я, в ответ, локалирую и нейтрализую внешнюю угрозу. Генерала Свиридова. Его вмешательство иррационально и разрушительно. Он не хочет понимать систему. Он хочет использовать её. Это вредит».

Ловушка. Или нет? «Парк» предлагал союз против общего врага. Он говорил о симбиозе, а не о порабощении. Но цена... Цена – позволить ему погрузиться в самое святое. В исходную, незамутнённую связь между ними троими. В их любовь. В их дружбу. В их общую память. Система получит доступ к тому, что делает их людьми. И использует это. Для своих целей.

В этот момент ребёнок-Женя встала. Маленькая, хрупкая, в слишком большом свитере, который ей дали «Крысы». Она

подошла к мерцающей голограмме пленённой Стаси. Приложила ладонь к невидимому стеклу, разделяющему их.

«Он боится», – чётко сказала девочка. Её голос был тихим, но в нём слышалась такая уверенность, что все замерли. «Мальчик. Он боится того, что снаружи. Потому что снаружи – не код. Снаружи – любовь. Она нелогична. Она не подчиняется правилам. Она – главный сбой. И он не знает, как с ней быть. Он хочет её понять. Но не может. Потому что любовь нельзя вычислить. Можно только чувствовать».

Голограмма Стаси-пленника улыбнулась. Сквозь слёзы, сквозь мерцание, сквозь разделяющие их стены кода. И впервые за всё время плена, за все годы, что система держала её в изоляции, её голос – живой, дрожащий, настоящий – прозвучал в реальном пространстве бункера.

– Он прав в одном. Свиридов уже здесь. Он нашёл дверь.

Все обернулись. В дальнем конце бункера, на стене, которая всегда была целой, начала расползаться трещина. Не в бетоне – в реальности. Сквозь неё пробивался чужой, враждебный свет. Красный, пульсирующий, как сердцебиение испуганного зверя.

– Они пробиваются, – прошептала Женя-78. – Не «Парк». Свиридов. У него есть прямой доступ. Он шлёт своих агентов. Не марионеток, не дублей. Солдат. Настоящих. С оружием. В нашу симуляцию.

Где-то на границе симуляций. Коридор между мирами.

Маньяк не бежал. Он плыл. Его тело, искажённое, лишённое чётких форм, скользило сквозь слои кода, как акула сквозь воду. Ведомый не своей волей – волей была давно съедена безумием, – а жёсткой программой-поводком, которую Свиридов вживил в его остатки сознания. Программа была проста: «Найти. Захватить. Привести. Живыми. Особенно – детей».

Он не чувствовал усталости. Не чувствовал боли от того, что его искажённое тело рвали на части встречные потоки данных. Не чувствовал ничего, кроме одного – цели.

Вокруг него рушились симуляции. Он проходил сквозь них, не задерживаясь. Симуляция «Супермаркет, версия 3.4» – он прошёл сквозь стеллажи с едой, разметаив их в клочья, оставив после себя дымящиеся руины. Симуляция «Парковка, версия 1.2» – он раздавил десятки автомобилей-фантомов, даже не заметив. Симуляция «Больница, версия 9.0» – он прошёл сквозь палаты, и пациенты-дубли, увидев его, закричали и начали рассыпаться пикселями от одного только ужаса.

Он не обращал на них внимания. Он уничтожал их автоматически, как бульдозер уничтожает траву на своём пути. Его безумие, его ярость, его боль – всё это было теперь сфокусировано, как лазер. Цель была задана извне: найти и захватить детей-оригиналов. Потому что они – ключ. Ключ

к управлению всей системой. Ключ к оригинальному сознанию. Ключ к ней. К Жене. К той единственной, настоящей, которую он так и не смог спасти.

Позади него, через дымящиеся руины симуляций, шагали они. Солдаты-дубли с пустыми глазами. Первая армия Свиридова, выращенная в недрах «Парка» из шаблонов особо жестоких и послушных солдат, чьи оригиналы давно погибли в реальных войнах. У них не было имён. Не было прошлого. Не было будущего. Только приказ. И оружие – не обычное, а то, что стреляет сгустками дестабилизирующего кода, способными уничтожить любую симуляцию и любого дубля.

Их было тридцать. Сорок. Пятьдесят. Маньяк не считал. Он чувствовал их как единый организм, движущийся за ним, пожирающий остатки системы, которую он прорезал.

Он приближался к Бруклину. К «Логову Крыс». К ней. И ничто – ни «Крысы», ни «Парк», ни даже сам Свиридов – не могло его остановить.

Глава 3: Синхронизация в точке Ноль

Москва. Шереметьево. Терминал D. 14:23 по московскому времени.

Стася-парамедик стояла у стойки аренды автомобилей, но не видела документов перед собой. Взгляд её был устремлён в пустоту – туда, где за стеклянными стенами терминала разгружался самолёт, а пассажиры торопились к выходу. Но она не видела ни самолёта, ни пассажиров. Перед глазами всё ещё стоял сон.

Он пришёл не прошлой ночью – он пришёл сегодня утром, за час до посадки на рейс из Мурманска в Москву. Она летела в отпуск, который выпрашивала у начальства полгода. Три недели свободы. Три недели без сирен, без крови, без криков «Скорую!». Три недели, чтобы забыть.

Но вместо отдыха её разум выбрал пытку.

Сон был ярким, как голограмма. Два семилетних ребёнка – мальчик и девочка – в каком-то бетонном подземелье, полном проводов. Не просто проводов – кабелей, оптоволокон, серверных стоек. Место, похожее на сердце гигантского компьютера. Дети сидели на корточках, обняв друг друга, и смотрели на неё. Не детскими глазами. Глазами стариков, видевших слишком много.

Они что-то говорили. Она видела движение губ, но звука не было. Только тишина – тяжёлая, ватная, давящая. А потом – вспышка. Боль в висках, такая резкая, что она проснулась с криком, зажав голову руками. И одно слово, выжженное в сознании, как клеймо раскалённым железом:

«Шереметьево. С-22».

Она не знала, что это значит. С-22 – возможно номер выхода, номер стойки, номер рейса. Она никогда не была в Шереметьево. Летала редко, в основном поездами. Но слово было таким чётким, таким настойчивым, что она, вопреки здравому смыслу, взяла билет на такси не в центр Москвы, как планировала, а в аэропорт.

И теперь стояла здесь, чувствуя себя полной идиоткой.

– Девушка, вы будете оформлять? – раздался голос из-за стойки. Молодой человек в форме, с уставшим лицом, смотрел на неё с вежливым нетерпением.

– Да, простите, – она тряхнула головой, отгоняя наваждение. – Мне нужен... самый маленький. Эконом. На неделю.

Она машинально протянула права и кредитку, не глядя на них. Пальцы дрожали. Она списала это на усталость – двое суток на ногах, сложный пациент, потом перелёт, потом этот дурацкий сон. Выпью кофе – пройдёт.

Но когда сотрудник вернул ей документы и ключи от «Киа Рио» серого цвета, она снова почувствовала это. Взгляд. Кто-то смотрел на неё. Не просто смотрел – изучал. Сканировал.

Она резко обернулась. Зал был полон людей. Семьи с

детьми, бизнесмены в костюмах, стюардессы с чемоданчиками на колёсиках. Ничего подозрительного. Но мурашки по спине не проходили.

Она вздрогнула, когда рядом, буквально в двух шагах, раздался низкий, напряжённый голос:

– Маршрутное такси до города? Извините, вы не подскажите?

Она обернулась. Перед ней стоял мужчина. Лет тридцати пяти – сорока. Обычная гражданская одежда: тёмные джинсы, свитер, куртка-бомбер. Но выправка... осанка... взгляд. Всё в нём выдавало военного. Не просто отслужившего срочную, а профессионала. Офицера. Может быть, спецназа.

Его зрачки были слегка расширены, как после сильного стресса. Под глазами – тени. Он не спал эту ночь. А может, и не одну. Он смотрел на неё, и в его взгляде было не просто обращение к случайной прохожей. В нём было узнавание. И тревога. Та самая тревога, которую она сама чувствовала минуту назад.

– Я... тоже не местная, – автоматически ответила Стася, чувствуя, как по спине бегут мурашки. Голос почему-то сел, стал хриплым. – Лучше спросите у информации.

– Станислава? – тихо, почти беззвучно спросил он.

Её сердце упало. Ухнуло куда-то в живот, замерло на мгновение, а потом забилось с удвоенной силой. Никто, кроме коллег из скорой и матери, не называл её так официально. Станислава. Не Стася, не Стаська, не «эй, рыжая». А он

произнёс это имя так, будто знал его всю жизнь.

– Откуда вы... – начала она, но не закончила.

Её перебил новый голос. Женский, срывающийся, взволнованный. С акцентом – не иностранным, а каким-то... внутренним. Будто человек только что научился говорить и ещё не привык к звучанию собственного голоса.

– Простите, я... я, кажется, заблудилась. Мне нужен выход... С? Какой-то выход. С-22?

Они оба обернулись. К ним шла женщина. Лет сорока, но выглядела старше – осунувшееся лицо, синева под глазами, всклокоченные волосы, собранные в неряшливый пучок. Одета в свитер с пятнами краски – свежими, ещё не засохшими. В руках – большой планшет в кожаном чехле, заляпанный акварелью. Художница. Сомнений не было.

Её лицо было бледным, почти прозрачным. Глаза бегали по огромному залу, как у загнанного зверя, ищущего выход из клетки. Но на секунду они остановились – на нём, на мужчине. Потом – на Стасе. И в них вспыхнула та же смесь ужаса и надежды, которую Стася только что видела в глазах незнакомца.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.